

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-284-293

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ КАК УГРОЗЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Мария Петровна Тихоновскова

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

tikhonovskova.maria@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID РИНЦ: 1096051

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе основных тенденций современного социокультурного развития, которые несут риски духовной безопасности личности и общества.

Методологической основой исследования выступают концепции массовой культуры, теории общества потребления и духовного отчуждения человека.

Результаты исследования. Симбиоз массовой культуры, фетишизированной идеологии потребления, и интенсификация процесса цифровизации общества актуализируют деструктивные тенденции, несущие угрозы духовной безопасности личности и общества, проявляющиеся в замещении подлинных познавательных, эстетических и этических потребностей потребностями сугубо материальными. Усиливающиеся тенденции духовного отчуждения делают практически невозможным освоение личностью духовного измерения бытия, воспроизводства и реализации традиционных гуманистических духовных ценностей в социальной жизни.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования угроз духовной безопасности личности и общества.

Ключевые слова: *духовная безопасность, массовая культура, общество потребления, духовное отчуждение, цифровая культура, цифровая идентичность*

Для цитирования: Тихоновскова М. П. Тренды современного социокультурного развития как угрозы духовной безопасности личности и общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 284–293. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-284-293>.

Original article

TRENDS OF MODERN SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT AS A THREAT TO THE SPIRITUAL SECURITY OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY

Maria P. Tikhonovskova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

tikhonovskova.maria@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID RSCI: 1096051

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the main trends of modern socio-cultural development, which carry risks to the spiritual security of the individual and society.*

The methodological basis of the research is the concepts of mass culture, the theory of consumer society and spiritual alienation of a person.

The results of the study. The symbiosis of mass culture, which fetishized the ideology of consumption, and the intensification of the process of digitalization of society actualize destructive tendencies that pose threats to the spiritual security of the individual and society, manifested in the replacement of genuine cognitive, aesthetic and ethical needs with purely material needs. The increasing tendencies of spiritual alienation make it almost impossible for a person to master the spiritual dimension of being, reproduction and realization of traditional humanistic spiritual values in social life.

Research prospects. The work opens up prospects for further research of threats to the spiritual security of the individual and society.

Keywords: *spiritual security, mass culture, consumer society, spiritual alienation, digital culture, digital identity*

For citation: *Tikhonovskova M. P. Trends of modern socio-cultural development as a threat to the spiritual security of the individual and society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 284–293. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-284-293>.*

Введение. Анализ кризисных тенденций XXI века позволяет утверждать, что они вышли за рамки сугубо политико-экономических, приобретя антропологический характер. Масштаб происходящего побуждает задуматься как о судьбах человечества в целом, так и о проблемах локальных национальных общностей.

Борьба за влияние уже давно не ограничивается военным противостоянием. Все большую роль приобретает духовная экспансия. Её цель — оказать влияние на культуру в целом и её значимые сферы — религиозную, информационно-психологическую, научно-образовательную, идеологическую. Средством борьбы выступает комплекс культурно-просветительских, информационно-пропагандистских, идеолого-психологических методов. Совокупность вышеназванных целей и средств направлена на усиление позиций государства в геостратегическом как реальном, так и виртуальном пространстве, а борьба за доминирование в мировой политической системе сопровождается столкновением ценностных систем, приобретает характер аксиологического геополитического противоборства [24]. Такая ситуация формирует запрос на теоретическое осмысление угроз духовной безопасности личности и общества.

Методология и методы исследования.

Теоретико-методологической основой исследования основных тенденций социокультурного развития общества, сопряженных с угрозами духовной безопасности личности, являются идеи теоретиков утилитарно-прагматического подхода — И. Бентама, У. Джеймса, Дж. Дьюи, Д. С. Милля, Ч. Пирса [4; 10; 11; 5; 21]. Сторонники данного подхода полагают, что в основе идеологии потребления лежит стремление человека к удовольствию и выгоде, именно эти желания составляют суть человеческой природы.

В статье используются положения концепции массовой культуры и теории общества потребления Ж. Бодрийяра, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассета, Э. Фромма и др. [6; 17; 20; 25]. Теоретическим основанием для анализа угроз духовной безопасности личности является концепция духовного отчуждения человека, представленная в работах Г. Маркузе, Э. Фромма, М. Хайдеггера и др. [17; 25; 26].

Совокупность этих подходов выступает методологической основой для исследования специфики современных тенденций социокультурного развития общества, которые несут угрозы духовной безопасности как личности, так и обществу в целом.

Результаты. В условиях появления новых информационных технологий духовная экспансия является не менее эффективным средством подавления сопротивления противника, чем военно-технологическая мощь. Понимание этого привело к признанию того, что духовная экспансия является одним из способов реализации геополитических интересов стран, претендующих на лидерство в мировой системе, поскольку притязание на мировое господство сопровождается установлением контроля не только за территорией государства, его политической и экономической сферами, но и над культурой общества. Разрушение последней идет по вектору девальвации национальных духовных ценностей и внедрения деструктивных идей и представлений, которые нацелены на забвение истории страны, ее достижений и внедрение в общественное сознание ценностей, чуждых российской ментальности — индивидуализма, эгоизма, потребительства, гедонизма и пр.

Исследователи отмечают, что «системы ценностей, ценностные ориентации всегда выступают в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции. На их основе разворачиваются и эффективно функционируют конкретные и специализированные системы нормативного контроля, общественные институты и эффективно осуществляются действия людей, направленные на достижение личного и общественного блага» [7, с.10]. Поэтому внедрение определенных ценностей в общественное сознание позволяет управлять поведением людей и трансформировать институциональную систему страны в необходимом направлении.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что среди факторов, угрожающих духовной безопасности общества, первое место по праву занимают массовая культура и её беспрепятственное распространение, а также идеология «общества потребления», базирующиеся на индивидуалистически-эгоистических ориентациях и гедонистически-потребительском культе.

Сама направленность массовой культуры, связанная с удовлетворением любых, в том числе и низменных, потребностей людей, влияющая посредством количества и скорости обновления предлагаемого «духовного»

продукта, оценивающая результативность в экономических категориях (прибыль, выгода), способствует усреднению духовных запросов и коммерциализации культуротворческой деятельности. Её унифицирующее воздействие направлено, прежде всего, против традиционных ценностей, лежащих в основании национальных культур. Как результат, конвейер массовой культуры, по мнению исследователей, ведет в тупик, ввергая общество в состояние духовного кризиса [13].

Общей участи, связанной с распространением массовой культуры, не избежала и Россия. Исследователи выделяют несколько этапов её развития в нашей стране. Поскольку становление массовой культуры традиционно связывают с появлением массового общества и распространением средств массовой информации и коммуникации на рубеже XIX–XX веков, в России генезис данного явления приходится на начало XX века.

Следующий этап связан с 20–30-ми годами XX века, строительством нового советского общества, которому требовалась культура, адресованная массам трудящихся, строящих коммунизм и мечтающих о победе мировой революции. Как результат, советская массовая культура с необходимостью была идеологически нагружена, поскольку преследовала цель формирования новой советской системы ценностей и моделей поведения, принципиально отличных от дореволюционных, дворянски-буржуазных.

Третий период развития массовой культуры связан с последним десятилетием XX века. В 90-е годы постсоветская Россия столкнулась не только с политико-экономическим кризисом, приведшим к распаду государства и деградации экономики, но и с отказом от прежней системы ценностей. Поиск новых ценностно-мировоззренческих оснований в условиях духовного вакуума и отсутствия цензурных ограничений привел «к резкому падению общего культурного уровня населения страны, вызванному не в последнюю очередь потоком низкокачественной западной массовой культуры и её некритическим восприятием» [1, с. 192].

В ценностно-мировоззренческом отношении массовая культура тесно связана с развитием идеологии потребления. Значимый вклад в осмысление идеологии

потребления в XX веке внес Ж. Бодрийяр. По мнению французского мыслителя, основой идеологии потребления выступает симулякр — образ иллюзорной реальности, выдающий себя за подлинную ценность. Не имея отношения ни к качеству, ни к полезности товара, в идеологии потребления данный образ тем не менее участвует в создании имиджа определенного продукта, формируя потребности людей.

Взаимосвязь между массовой культурой и обществом потребления нашла отражение в работах испанского мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета. Поскольку в обществе потребления человек сконцентрирован исключительно на собственном благополучии, ориентирован лишь на свои интересы и желания, носителя идеологии потребления характеризует подчеркнутая автономность и эгоцентричность, безразличие ко всему внешнему, неспособность понять принципы, на которых основана человеческая цивилизация [20].

По общему мнению, идеология потребления стала продуктом развития западной цивилизационной модели. Её ценностное основание — либерализм, понимаемый как универсальное аксиологическое основание для всех стран и регионов, в том числе тех, для которых исторически была характерна принципиально иная система ценностей. Ориентация на потребление демонстрирует приоритет индивидуальной свободы над коллективистскими установками, выступает вариациями на тему самоутверждающегося эго, что характерно для личности западного типа.

Однако в условиях распространения массовой культуры, транслирующей западные ценности в глобальном масштабе, «общество потребления» и его аксиологическое основание давно вышли за рамки стран золотого миллиарда. Философское осмысление проблемы сводится к тому, что межличностные отношения утрачивают ценность, отходят на второй план, а первое место начинают занимать вещи как таковые и обладание ими. Уже упомянутый Ж. Бодрийяр подчеркивает значимость такого элемента массовой культуры, как реклама, поскольку именно благодаря рекламе люди соприкасаются с визуализированными и эффектно презентованными материальными благами, которые отныне составляют окружение сов-

ременного человека. Вывод Ж. Бодрийяра неутешителен: мир современного человека — это мир бестелесных и безмолвных форм, а не мир себе подобных [6].

В подобной ситуации с необходимостью происходят радикальные по своим последствиям изменения в образе жизни и потребностях человека: потребности высокого духовного порядка вытесняются «низовым», физически-материальным уровнем, приоритетом становятся внешние формы престижа, позиционирование себя в качестве успешного человека (высокооплачиваемая работа, карьерный рост, дешевая популярность), в то время как сущностные вещи (самореализация в профессиональной деятельности, творческий характер труда, радость человеческого общения, глубина и сила истинного чувства и т. д.) отходят на второй план [28].

В настоящее время деградирует сама сфера духовных потребностей, незаметно происходит подмена понятий: высшие смыслы заменяются достижением личного благополучия, счастье начинает отождествляться с неограниченным потреблением разнообразных материальных благ, идеалы вытесняются практицизмом, а духовность — сухим рационализмом. Следствие подобной тенденции — неизбежная духовная деградация личности, а также девальвирование фундаментальных и наиболее универсальных ценностей: любви, дружбы, уважения, справедливости, милосердия, солидарности, патриотизма.

Столь активно разрушаемые ныне духовные потребности познавательного, эстетического и этического характера, стремление массовой культуры их обесценить без преувеличения ведут к «оживотниванию» человека, в то время как исторически сложившаяся структура духовных ценностей успешно решала иную фундаментальную задачу — вывести человека за рамки сугубо биологического существования, раскрыть его потенциал как уникального социокультурного существа.

Так потребность в познании открывала человеку мир, давала знание действующих в нем объективных законов. При этом потребность в деятельности, направленной на получение нового знания и стремление участвовать в ней, никогда не ограничивалась утилитарно-прагматическими, технологическими задачами, а включала способность получать

от нее удовольствие [18]. Взаимосвязь между жадной познания и движением человека по духовной лестнице, увеличивающей духовную силу общества, подчеркивал еще В.И. Вернадский [8].

Эстетическая потребность человека была связана с его стремлением постигать мир по законам красоты, гармонии, «глубоко чувствовать музыку, живопись, поэзию, совершенствовать человеческие отношения...» [12, с. 237]. В философской литературе эстетическая потребность традиционно рассматривалась как «... сознательное стремление человека к прекрасному, к красоте, к восприятию и творчеству красивых предметов» [3, с. 51]; как «стремление к красоте и творчеству по законам красоты» [14, с. 42]; как потребность «отражения человеческого смысла природы и общества путем соотношения меры предмета и меры человека с целью гармонизации мира и человека» [23, с. 54]. Великие достижения мировой культуры в области живописи, скульптуры, музыки создавались на основе исторических представлений о прекрасном, порождая у человека эмоции, которые связаны с катарсисом — очищением страданием и приобщением таким образом к высшим ценностям и смыслам.

Что касается этической потребности, то она отражала стремление человека не только нормировать и регламентировать социальное бытие посредством морально-нравственных императивов, но осуществлять нравственный выбор и нести за него ответственность в качестве существа, свободного в духовном отношении. Выбор системы ценностей, влияющий на представление о добре и зле, задавал параметры модели поведения человека в обществе, определял в конечном итоге меру человеческого в человеке. При этом потребность не только чувствовать, понимать, но и творить добро требовала творческо-волевых усилий, целью которых выступало самосовершенствование личности. Становление индивидуальной нравственности представляло сложный процесс самовоспитания, в рамках которого собственная совесть должна была найти корреляты с общечеловеческими моральными ценностями [12].

Как было отмечено ранее, трансформация ценностных ориентаций современного человека демонстрирует изменение приори-

тетов: материальные потребности начинают доминировать над познавательными, этическими и эстетическими.

Анализ состояния сегодняшних массовых потребностей людей побуждает говорить об угрозе духовной безопасности личности, поскольку «всё, что связано с жадностью, корыстолюбием, неумеренностью в удовлетворении человеческих потребностей, все, что идет вразрез с всесторонним и гармоничным развитием личности и потому причиняет вред человеку и обществу в целом, в народном представлении издавна именуется неразумными потребностями» [9, с. 98].

Помимо этого, демонстративный характер потребления начинает преследовать специфическую цель: вызвать у окружающих негативные и деструктивные чувства злобы и зависти, разрушающие социальное единство и подрывающие духовные основания общественного бытия.

Мы являемся свидетелями процесса замены потребностей человека в творчестве, в самореализации, в подлинной коммуникации ложными потребностями, связанными с приобретательством, жадной наживы, стремлением к чувственным удовольствиям. Такие установки, господствующие в современном обществе, ведут к ослаблению межличностных связей, а также к отчужденности человека от истинных культурных ценностей.

Проявления духовного отчуждения у Г. Маркузе сводятся к тому, что «люди живут не своей собственной жизнью, но исполняют предустановленные господствующим аппаратом функции. Время их работы, отнятое у реализации их потребностей и способностей, — отчужденное время» [17, с. 39]. В результате современный труд перестает быть для индивида процессом творчества, средством его самореализации, напротив, он усугубляет состояние отчуждения и одиночества современного человека.

Э. Фромм видит тенденцию духовного отчуждения человека в утрате людьми как социальными существами чувства солидарности и взаимопомощи [25]. Подобная ситуация, по мнению исследователя, порождена рутинизацией современной жизни, подавляющей в человеке потребность к творчеству, к взаимодействию с другими людьми, к осмыслению экзистенциальных проблем своего су-

ществования, к проявлению высоких чувств любви, участия и сострадания.

В философии М. Хайдеггера духовное отчуждение рассматривается как бытие человека в условиях повседневности, его погруженность в текущие проблемы и заботы, что ведет к «обезличиванию человека, превращению его в функциональную единицу общества; происходит растворение человеческой экзистенции в отчужденных общественных нормах поведения и образе мыслей» [26, с. 217]. Немецкий мыслитель указывал на то, что именно влияние научно-технического развития общества способствует превращению людей в обезличенную массу.

Таким образом, несмотря на имеющиеся отличия, данные мыслители связывают процесс отчуждения с процессами обезличивания и омассовления человека, рутинизации его повседневного существования, не последнюю роль в которых сыграло развитие технико-технологического прогресса.

Амбивалентность процессов, связанных с тотальной цифровизацией всех сфер жизни общества, порождена технологическими возможностями современной цивилизации. Последние открывают не только новые перспективы, но и несут серьезные риски, связанные с духовной безопасностью как личности, так и общества. Формирующаяся новая цифровая культура основана на стремительно увеличивающихся объемах цифровых устройств и соответствующих площадок для коммуникации. Уже сегодня, по мнению исследователей, «цифровая среда задает параметры повседневных практик и профессиональной деятельности, кардинально меняя не только их формы, но и сознание людей» [27, с. 282].

Становление новой цифровой культуры обусловлено появлением глобальной сети Интернет, которая «соединяет в себе огромный поток информации, формирует вокруг себя определенную информационную среду, погружившись в которую, люди начинают по-другому воспринимать окружающую их реальность» [2, с. 18]. Появление виртуальной реальности начинает оказывать непосредственное влияние на процессы социализации личности, поскольку большую часть своей жизни люди проводят в киберпространстве. Последнее существенно трансформирует их образ жизни, способы общения, стиль мыш-

ления, формы поведения. Изменения среды социализации влекут за собой трансформации в идентичности человека, которая начинает приобретать цифровой характер. Если в предшествующие периоды развития процесс самоидентификации был связан с осознанием человека своей принадлежности к той или иной группе (этнической, религиозной, сословно-классовой, профессиональной), то в настоящее время субъект начинает осознавать и переживать себя как неотъемлемую часть глобального виртуального пространства и новой информационной реальности [22]. Современные технологические возможности фактически позволяют современному человеку преодолеть ограниченность своего реального мира и погрузиться в безграничность мира виртуального.

Новая цифровая идентичность безусловно является следствием не просто пассивной включенности человека в информационную реальность, а осознания им себя в качестве актора виртуального пространства. Если традиционная идентичность с необходимостью предполагала наличие определенных символических границ, посредством которых происходило самоотождествление с группой и её культурой, формирование образа мира, имеющего устойчивый ценностный «каркас», то цифровая идентичность, напротив, не имеет никаких границ. Во-первых, конструирование идентичности в новой цифровой реальности происходит ситуативно, являясь результатом выбора актора здесь и сейчас. Во-вторых, сакральные ценности, придающие устойчивость традиционной культуре и человеку традиционного общества, отбрасываются. В-третьих, сама цифровая идентичность — это публичный образ, который сконструирован актором из текстов, цитат, ссылок, за которыми уже нет ни подлинной личности, ни реального мира.

Прогноз неутешителен: поскольку цифровизация тотальна, она создает прямую угрозу сложившемуся порядку вещей, моделям отношений и формам идентичности. Прежде всего имеет место уничтожение приватности как фундаментального принципа культуры и беспрецедентное наступление на личное пространство [15].

Справедливости ради следует заметить, что цифровое конструирование собственного

образа подчас некритически воспринимается как позитивный фактор: возможным становится такое позиционирование себя, которое отражает не действительное, а желаемое представление актора о себе и своей жизни. Среди причин обычно называют неудовлетворенность субъекта своей реальной идентичностью и объективную невозможность презентовать себя желаемым образом. Отсюда вытекает стремление самореализоваться в новом образе, включая социальную роль, выполнение которой в реальном мире по той или иной причине неосуществимо.

Следует обратить внимание на то, что управление своими виртуальными образами свидетельствует о новой тенденции в процессе личностного самоопределения: исторически сложившаяся эмоциональная основа идентификации в новой цифровой реальности вытесняется демонстративно-репрезентативными практиками. При этом процесс замещения «Я-реального» на «Я-виртуальное» знаменует не только потерю подлинной идентичности, традиционно обеспечивающей индивиду устойчивость в меняющемся мире, но и восприятие виртуального мира как единственной подлинной реальности.

Так, являясь неотъемлемой частью современной реальности, киберпространство бросает серьезный вызов духовной безопасности как личности, так и общества.

Межличностное общение все в большей степени приобретает анонимно-обезличенный характер. Анонимная сеть создается для оперативности обмена информацией, а не для долговременной совместной деятельности и уж тем более не для реализации общих жизненных целей. Иллюзорно и качество общения: его интенсивность не имеет отношения к сущностной стороне коммуникации, как результат — отсутствие подлинных человеческих отношений и усиление чувства одиночества [16].

Современная коммуникативная среда создает иллюзию общности, заполняя сознание человека различными симулякрами, подчиняя себе его субъектность. Целью социальных технологий духовного отчуждения выступает целенаправленное преобразование традиционных субъектов (личности, социальных групп и общество в целом) в объект путем изменения сознания (индивидуального, группо-

вого, общественного) посредством создания в нем хаоса, либо системы псевдоценностей.

Контент развлекательного и деструктивно-информационного характера начинает доминировать над созидательно-гуманистическим. Под влиянием виртуальной игровой деятельности либо происходит уничтожение традиционных нравственных установок, либо развивается принципиальное непонимание ценностей добра и его следствие — демонизация сознания [19]. Последнее особенно трагично для формирующегося нравственного сознания молодого поколения. Наконец, зависимость современного человека от цифровой среды приобретает болезненные, а иногда и откровенно патологические черты.

Заключение. Подводя итоги наших рассуждений об угрозах духовной безопасности личности и общества в современном мире, можно прийти к ряду выводов.

Симбиоз массовой культуры, фетишизированной идеологию потребления, и интенсификация процесса цифровизации общества актуализируют следующие деструктивные тенденции.

Интенсифицируются процессы дегуманизации человека: от пассивного обесценивания их жизни до откровенных симпатий по отношению к экстремизму и социальному насилию.

Познавательные, эстетические и этические потребности замещаются потребностями материальными. Смыслоразрушающие ориентации сводятся к стремлению присвоить как можно больший объем вещей и идентифицировать себя посредством самоотождествления с объектами обладания.

Усиливающиеся тенденции духовного отчуждения делают практически невозможным освоение личностью духовного измерения бытия, воспроизводства и реализации традиционных гуманистических духовных ценностей в социальной жизни.

Список источников

1. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г. Массовая культура как доминантная культура глобализирующегося общества // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 2015. Т. 206. С. 190–196.

2. Багдасарян Р.Х., Гребеник А.В. Информационная культура личности и ее становление в современном обществе // *Культура и время перемен*. 2021. №2(33). С. 17–24.
3. Белик А.П. Эстетика и современность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1967. 224 с.
4. Бенгам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
5. Блауг М. Джон Стюарт Милль // *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело, 1994. 687 с.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
7. Бурцев С.А. Современная Россия и система ценностей Западной цивилизации // *СЕРВИС plus*. 2010. №2. С. 9–15.
8. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука, 1994. 270 с.
9. Гусейнов О.М., Гусейнова Ж.О. К вопросу о соотношении материальных и духовных потребностей в нравственном развитии личности // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. №4. С. 89–101.
10. Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярная лекция по философии. Пер. с англ. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2011. 238 с.
11. Дьюи Дж. Общество и его проблемы // Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.
12. Зелинская Е.Ю. Духовные потребности с точки зрения русской философии // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2007. №1. С. 62–68.
13. Ильичев И.Е. Безопасность в духовной сфере // *Управление городом: теория и практика*. 2012. №1(4). С. 28–40.
14. Ковалев С.М. Психология личности. М.: Просвещение, 1970. 391 с.
15. Конева А.В., Лисенкова А.А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2019. №35. С. 14–28.
16. Мантатова Л.В., Мануева И.П. Духовное одиночество человека в современном информационном обществе // *Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*. 2012. №1(36). С. 8–12.
17. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Изд-во АСТ, 2009. 331 с.
18. Меньшикова Е.А. О психолого-педагогической природе любопытства и любознательности детей // *Вестник ТГПУ*. 2009. №1(79). С. 88–92.
19. Молчан Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2019. №2. С. 55–66.
20. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 639 с.
21. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
22. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // *Общество: философия, история, культура*. 2018. №12(56). С. 40–43.
23. Сысоева Л.С. Специфика эстетической потребности // *Известия Томского политехнического института*. 1972. Т. 256. С. 42–54.
24. Тонконогов А.В. Духовная экспансия как фактор современной геополитики // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. №2. С. 141–153.
25. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Флинта, 2006. 246 с.
26. Хайдеггер М. Время картины мира // *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс, 1986. С. 93–118.
27. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование // *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*. 2022. Т. 15. №2. С. 281–290.
28. Юсупова Е.А. Духовные потребности личности в контексте современного гуманитарного знания // *Наука. Общество. Государство*. 2013. №1(1). С. 190–195.

References

1. Aref'ev M. A., Davydenkova A. G. Massovaja kul'tura kak dominantnaja kul'tura globalizirujushhegosja obshhestva [Mass culture as the dominant culture of a globalizing society]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo*

instituta kul'tury i iskusstv [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture and Arts]. 2015; 206: 190–196. (In Russ.).

2. Bagdasarjan R.H., Grebenik A.V. Informacionnaja kul'tura lichnosti i ee stanovlenie v sovremennom obshhestve [Information culture of personality and its formation in modern society]. *Kul'tura i vremja peremen* [Culture and time of change]. 2021; 2(33): 17–24. (In Russ.).

3. Belik A.P. Jestetika i sovremennost'. 2-e izd. [Aesthetics and modernity. 2nd ed.]. Moscow: Politizdat, 1967. 224 p. (In Russ.).

4. Bentam I. Vvedenie v osnovanija npravstvennosti i zakonodatel'stva [Introduction to the foundations of morality and legislation]. Moscow: ROSSPJeN, 1998. 415 p. (In Russ.).

5. Blaug M. Dzhon Stjuart Mill' [John Stuart Mill]. Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive [Economic thought in retrospect]. Moscow: Delo, 1994. 687 p. (In Russ.).

6. Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury [Consumer society. His myths and structures]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija; Respublika, 2006. 269 p. (In Russ.).

7. Burcev S.A. Sovremennaja Rossija i sistema cennostej Zapadnoj civilizacii [Modern Russia and the system of values of Western civilization]. *SERVIS plus*. 2010; (2): 9–15. (In Russ.).

8. Vernadskij V.I. Neskol'ko slov o noosfere [A few words about the noosphere]. *Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka, 1994. 270 p. (In Russ.).

9. Gusejnov O.M., Gusejnova Zh. O. K vo-prosu o sootnoshenii material'nyh i duhovnyh potrebnostej v npravstvennom razvitii lichnosti [On the question of the correlation of material and spiritual needs in the moral development of the individual]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Social and humanitarian knowledge]. 2017; (4): 89–101. (In Russ.).

10. Dzheims U. Pragmatizm: novoe nazvanie dlja nekotoryh staryh metodov myshlenija: Populjarnye lekcii po filosofii. Per. s angl. [Pragmatism: a new name for some old methods of thinking: Popular lectures on Philosophy. Trans. from English]. Izd. 3-e. Moscow: LKI, 2011. 238 p. (In Russ.).

11. D'jui Dzh. Obshhestvo i ego problemy [Society and its problems]. Per. s angl. I.I. Mjurberg, A.B. Tolstova, E.N. Kosilovoj. Moscow: Ideja-Press, 2002. 160 p. (In Russ.).

12. Zelinskaja E. Ju. Duhovnye potrebnosti s tochki zrenija russkoj filosofii [Spiritual needs from the point of view of Russian philosophy]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU]. 2007; (1): 62–68. (In Russ.).

13. Il'ichev I.E. Bezopasnost' v duhovnoj sfere [Security in the spiritual sphere]. *Upravlenie gorodom: teorija i praktika* [City management: theory and practice]. 2012; 1(4): 28–40. (In Russ.).

14. Kovalev S.M. Psihologija lichnosti [Psychology of personality]. Moscow: Prosveshhenie, 1970. 391 p. (In Russ.).

15. Koneva A.V., Lisenkova A.A. Matrica identichnosti v cifrovuju jepohu: social'nye vyzovy preodolenija anonimnosti [Identity matrix in the digital age: social challenges of overcoming anonymity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history]. 2019; (35): 14–28. (In Russ.).

16. Mantatova L.V., Manueva I.P. Duhovnoe odinochestvo cheloveka v sovremennom informacionnom obshhestve [Spiritual loneliness of a person in a modern information society]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tehnologij i upravlenija* [Bulletin of the East Siberian State University of Technologies and Management]. 2012; 1(36): 8–12. (In Russ.).

17. Markuze G. Odnomernyj chelovek [One-dimensional man]. Moscow: Izd-vo ACT, 2009. 331 p. (In Russ.).

18. Men'shikova E.A. Opsihologo-pedagogicheskoj prirode ljubopytstva i ljuboznatel'nosti detej [On the psychological and pedagogical nature of curiosity and curiosity of children]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU]. 2009; 1(79): 88–92. (In Russ.).

19. Molchan Je. M. Vlijanie cifrovizacii na formirovanie duhovno-npravstvennyh cennostej sub'ektov vzaimodejstvija v jepohu globalizacii [The influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of subjects of interaction in the era of globalization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences]. 2019; (2): 55–66. (In Russ.).

20. Ortega-i-Gasset H. Degumanizacija iskusstva [Dehumanization of art]. Moscow: Raduga, 1991. 639 p. (In Russ.).
21. Pirs Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedenija [Selected philosophical works]. Moscow: Logos, 2000. 448 p. (In Russ.).
22. Solov'eva L.N. Cifrovaja identichnost' kak novyj vid identichnosti cheloveka informacionnoj jepohi [Digital identity as a new kind of identity of a person of the information age]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2018; 12(56): 40–43. (In Russ.).
23. Sysoeva L.S. Specifika jesteticheskoy potrebnosti [The specifics of aesthetic needs]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo instituta* [Proceedings of the Tomsk Polytechnic Institute]. 1972; 256: 42–54. (In Russ.).
24. Tonkonogov A.V. Duhovnaja jekspanzija kak faktor sovremennoj geopolitiki [Spiritual expansion as a factor of modern geopolitics]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Socio-humanitarian knowledge]. 2014; (2): 141–153. (In Russ.).
25. Fromm Je. Begstvo ot svobody [Flight from freedom]. Moscow: Flinta, 2006. 246 p. (In Russ.).
26. Hajdegger M. Vremja kartiny mira [The time of the picture of the world]. *Novaja tehnokraticeskaja volna na Zapade* [The new technocratic wave in the West]. Moscow: Progress, 1986. P. 93–118. (In Russ.).
27. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Perspektivy i riski cifrovizacii kak trenda social'nogo razvitiya: kul'tura i obrazovanie [Prospects and risks of digitalization as a trend of social development: culture and education]. *Vestnik JuRG-TU (NPI)* [Bulletin of the YURSTU (NPI)]. 2022; 15(2): 281–290. (In Russ.).
28. Jusupova E.A. Duhovnye potrebnosti lichnosti v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znanija [Spiritual needs of the individual in the context of modern humanitarian knowledge]. *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2013; 1(1): 190–195. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 27.06.2022.
The article was submitted on 19.06.2022; approved after reviewing on 25.05.2022; accepted for publication on 27.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихоновскова Мария Петровна — младший научный сотрудник, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria P. Tikhonovskova — Junior Researcher, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia